

Борис Пастернак — Анемподист Софронов: «Персимфанс» «серебряного века»

Часть мира, живущая по григорианскому календарю, встретила 2000-ый год от Рождества Христова. Для мусульман настал 1378 год хиджры, для иудаистов — 5761, для китайского этноса — 4679 год. Так неумолимо течет время, разное для разных культур, и человечество набирает годы, века, тысячелетия, обогащая свою историю и духовное богатство, но не создавая еще свой монолитный облик.

...В том общечеловеческом «оркестре без дирижера» — в «персимфансе» «серебряного века» — независимо от судеб и расстояний, национальных особенностей и окружающей атмосферы «играли» свои «симфонии» разные художники, схожие в том, что были искренними поэтами-лириками, исповедовавшимися перед своими современниками и последующими поколениями, глубокомысленными поэтами-философами, принявшими «добровольные муки» «безвинного страдания», высоконравственными поэтами-гуманистами, уверовавшими в силу Духа Добра, истинными «поэтами интеллигенции», несомненно элитарными в этом отношении, личностями, обладавшими силой огромного таланта, данного им свыше: в Москве — Борис Пастернак, в далекой таежной Якутии — Анемподист Софронов.

Современное человечество многолико и разнообразно. Но в этом и заключается его неисчерпаемость и богатство. Сегодня культура носит симфонический, многоголосый, многогранный характер. И остается актуальным и современным, необходимым и всеобновляющимся явлением, как и во все времена, «диалог культур», подразумевающий переосмысление, взаимопроникновение, интерпретацию, реминисценцию и другие формы контакта. Стоит вспомнить рериховское определение культуры как внутренней многовековой непреходящей основы человеческого бытия, «почитания света». И она устремляет нас к познанию, к исканиям, связывает поколения, творческие души.

И мы — люди, стоящие на пороге нового XXI тысячелетия, испытывая очередное рубежное, переломное состояние, в поисках родственного созвучия настроения оглядываемся на предшественников. Все поколения, жившие на рубежах веков, переживали коллизии, тревоги и надежды, предчувствие хаоса и желание стабильности, стремились к выживанию, к вечному поиску истины и счастья. В этом смысле

определенное сходство связывает всех людей рубежов веков, в мировоззрениях которых боролись оптимизм и пессимизм, протест и смирение, активность и пассивность.

Еще нечто большее связывает нас, и по хронологической близости тоже — это было всего сто лет назад — с людьми рубежа XIX — XX веков, интересует их духовная культура, творчество, философские взгляды, они помогают нашему духовному выживанию и возрождению. Русская культура этого исторического периода осветилась яркой вспышкой «серебряного века» — явлением Возрождения, якутская — зарождением письменной художественной литературы: поэзии, драматургии, прозы. По сути своей явления эти совершенно разные, но их своеобразно связывает эпоха, умонастроения и экспрессия, атмосфера, дух того времени. С этой точки зрения в области литературной компаративистики возможны некоторые сопоставления, выявления типологических сходжений и контактов.

Опираясь на лингвистические и литературоведческие исследования творческих путей Бориса Пастернака и Анемподиста Софронова-Алампа, людей одной эпохи, разъединенных расстоянием и судьбами, можно отметить некоторые аналогии. Каждый из них в своей национальной литературе фигура довольно заметная: Б. Пастернак наряду с Ахматовой и Мандельштамом назван классиком русской поэзии XX века, Алампа — один из основоположников якутской литературы. В силу сложившихся в прошлом исторических, политических ситуаций и положений творчество Пастернака оказалось в категории «труднодоступных». К тому же некоторые исследователи и читатели относят его к элитарному искусству: он — поэт интеллигенции, мастер «городской лирики». Пастернак пришел в литературу из музыки и философии, потому он великолепный импровизатор и глубокий мыслитель в поэзии. А. Софронов-Алампа — поэт якутской интеллигенции, которого тоже упрекали в «ограниченности», «камерности», он не был «певцом революции», «агитатором на площади». С его именем связано становление якутской социально-психологической литературы, интимной лирики. Это — личность многогранно-талантливая, которая сочетала в своем творчестве не только разные жанры (поэзию, драму, прозу), но и журналистику и театральное искусство. Это — человек, который овладел «высотами человеческой культуры» через упорное самовоспитание, настойчивое самообразование, пробился из «самых низов» социальной иерархии к вершинам истинной интеллигентности, сумел стать «духовным аристократом», каковым Б. Пастернак был уже по рождению и воспитанию.

Борис Леонидович Пастернак рос в мире искусства и музыки, который властвовал в семье академика живописи Л. О. Пастернака и Р. И. Кауфман — пианистки, ученицы Лешетицкого. Особая атмосфера их дома, где частыми гостями были А. Н. Скрябин, Н. Н. Ге, Л. Н. Толстой, И. Е. Репин, М. А. Врубель, С. В. Рахманинов и другие «громкие имена» того времени, оказала огромное влияние на становление таланта будущего поэта и по-своему отшлифовала грани его мастерства. Шесть лет, отданные музыке, идеи и поиски Скрябина, слух, «в абсолютности» которого сомневался только сам Пастернак, наложили своеобразный отпечаток на его лирику: это и ранняя пронизательность, и экспрессивность, многозвучность и музыкальная тональность, ритмичность, восторженность и искренность, импровизаторская напевность и освещенная эмоциями своеобразная поэтическая интонация. Унаследованное от отца «зрение живописца» придало другим характерные черты его лирике: пластичность, динамичность зрительских образов, изобилие деталей, непосредственность, красочность, мгновенность картины, ее импрессионистическую живописность, особенно метафоричность и ассоциативность. Он умел передавать естественные в своей неожиданности сближения зрительных образов с музыкальными впечатлениями, многозвучие жизни сливается с многокрасочностью ее картин. Последовавшее за музыкой увлечение будущего поэта философией привело его к

идее целого и взаимозаменяемости в искусстве, к принципу «взаимозаменяемости образов», «движущегося языка» в пределах целой мысли произведения, к чувству целостности бытия и однородности жизни. В отражении своих чувств и ощущений Пастернак — чистый лирик, а в поэтических выражениях своих созерцаний он — лирик мысли, произведения его философичны, глубокомысленны. Исследователи не раз отмечали связь Пастернака с русской религиозной философской мыслью, в частности, с философией В. С. Соловьева и Н. А. Бердяева. Страдание — «очищение бытия», духовное возвышение человека, его спасение. Для поэта надо,

*Чтоб тайная струя страданья
Согрела холод бытия.*

И такое понимание страдания вполне сопоставимо с бердяевскими взглядами о том, что человеческая жизнь полна страданий потому, что она зависит от иррационального начала, но посредством страдания человек проникает в глубины существования, «незаслуженное страдание есть страдание божественное». Так был распят Сын Божий, и этим самым принес спасение всему человечеству. Эта тема «безвинного страдания», искупления стала главным мотивом произведений зрелого Пастернака. Душа поэта не береглась страданий, не боялась любви, самоотдачи, жертвы, ран. Она не ожесточилась в борьбе, не возненавидела ни себя, ни другого, ибо поэт всегда помнит, что ему даровано «чудо жизни», и это чудо — «с час». Отсюда его удивительное жизнелюбие и любвеобильность ко всему прекрасному: к женщине, к природе, к жизни. Как и у В. Соловьева, А. Блока, женщина у Пастернака — символ Вечной Женственности, Красавица, перед которой он благоговеет. А с природой человек изначально един, через нее он постигает себя, она придает ему силы в страдании, способность обрести счастье в жизни. Жизнь, жить — счастье, которым человек должен уметь пользоваться. Жить — быть в природе, любить, понимать ее, ощущать свое счастье существования. Жизнь — это растворение в других, в душах тех, кого любишь, о ком думаешь, заботишься, это растворение в любви и в природе:

*Жизнь ведь тоже только миг,
Только растворенье
Нас самих во всех других
Как бы им в даренье.*

И тогда смерть не страшна, растворенный в живых бессмертен:

*А то, удивившись на миг
Спохватишься ты на концерте,
Насколько скромней нас самих.
Вседневное наше бессмертье.*

Для умерших смерть перестает существовать, она занимает мысли и чувства живых, живые надеются на воскрешение, с верой на него они живут. Концепция эта вполне экзистенциалистическая, но от нее Пастернак протягивает нити и к евангельской. Измученный «безвинными страданиями» человек обращается к богу, перед ним он раскрывает свое «я», соединяется с Духом Добра и растворяется в Нем. Итог жизни человека должен быть торжеством Духа Добра. Веруя и уповая на это, поэт живет и принимает «добровольные муки» и страдания:

«...Во имя страшного ее величья

*Я в добровольных муках в гроб сойду.
Я в гроб сойду и в третий день восстану,
И, как сплавляют по реке плоты,
Ко мне на суд, как баржи каравана,
Столетия поплывут из темноты».*

В этой нравственной чистоте воскресения — возрождения и бессмертия Духа, стремления найти свое место в жизни, в искусстве поэт находил силы для страдания и сострадания. Быть поэтом для него — веление судьбы, предначертанное свыше, его назначение заключалось в том, чтобы он, сохраняя эту великую веру в «дух добра», обогащал им новые поколения ищущих и жаждущих, одухотворял окружающий его мир:

*Но и так, почти у гроба,
Верю я, придет пора,
Силу подлости и злобы
Одолее дух добра.*

Эта вера Пастернака помогала ему переносить страдания от «силы подлости и злобы» и в своем творческом пути, и в личной судьбе, и в борьбе с повседневностью. Он был «безвинным страдальцем» в поэзии и в жизни. Никто другой, может быть, не вышел бы победителем из этого страдания, кроме как сам Борис Пастернак с его необычайной силой таланта, гуманизма, самопожертвования, веры и надежды. Этот торжествующий мотив Духа добра, пастернаковская тоска по высокой нравственности, его философские раздумья о жизни, смерти, человеке и его назначении, сомнения перед хаосом будущего, перед драматизмом настоящего, тонкая чувствительность, страстность, искренность, его «добровольные муки» поэта, человека очень близки лирике якутского поэта А. И. Софронова-Алампа.

Творчество А. И. Софронова, как и других писателей Якутии, тесно связано с русской культурой. Он зачитывался Пушкиным, Лермонтовым, Гоголем, Некрасовым и Островским, переводил И. Крылова, Л. Толстого, А. Чехова. Г. Р. Кардашевский отмечает влияние на Софронова Н. Некрасова, А. Кольцова, С. Есенина. Г. П. Башарин написал о высокой оценке М. Горьким в апреле 1928 года идеи поэмы «Ангел и Демон». ³ Г. Г. Окорочков считал, что «образ великого Горького, вышедшего из низов общества и достигшего высот художественного слова упорным самообразованием», звал молодого Софронова к творческому дерзновению. ¹¹ Об идейно-эстетическом влиянии поэзии Лермонтова на творчество Алампа, о переработке мотивов и образов «Демона» на «якутской почве» сказано в «Идейно-эстетических истоках якутской литературы» Г. С. Сыромятникова. ¹⁵ На идейную близость, на схожие особенности эстетических описаний Есенина и Софронова указывает Н. З. Копырин в статье «Первый лирик», приводит примеры для сравнений. «В интимной исповедальной лирике А. И. Софронов испытывал сильное влияние Сергея Есенина. Поиск своего места в литературе в послереволюционные годы, драматический пафос стремления и желания осмыслить это новое время, определить себя в нем рождали обнаженную исповедальность в поэтическом творчестве А. И. Софронова в духе и настрое есенинской поэзии», — пишет Н. С. Сивцева в статье «Традиции русской классики в творчестве основоположников якутской литературы». ¹³ А о том, что «не будет большим преувеличением сказать, что по своей значимости и художественному уровню» лирика А. Софронова-Алампа «сопоставима с поэзией русского «серебряного века», утверждает А. А. Бурцев. ⁴

Таким образом, представляется вполне возможным выявление сходжений в творческих наследиях двух поэтов, Пастернака и Софронова, у которых с наибольшей уверенностью

можно отметить единение духов, субъективных в своем зарождении и закономерных во временном пространстве. Как и русскому поэту «смутного времени», якутскому стихотворцу рубежа веков пришлось многое вынести от «силы подлости и злобы»: в годы трудного детства, в личной жизни, в любви, во взаимоотношениях с друзьями, в тяжелые часы переживаний за родных и близких людей, творческих поисков, раздумий о судьбе поэта и личности. Эти два современника, которые никогда не встречались и не обсуждали своих взглядов и принципов, очень схожи во многом, в том числе и в чертах характеров: оба — люди очень скромные, честные, искренние, которые никогда в жизни не претендовали на почести и славу, даже на знаменитость. Для них поэзия — «исповедь души» и сердца, сокровенные мысли и чувства «страдальцев». Их лирические герои никогда не были дерзкими, грубыми, смелыми, они часто сомневались и печалились, но всегда верили в Духа Добра, оставаясь до конца откровенными, искренними перед своими читателями. За это их любили, за это от них не отрекались. Эта ранимая открытость богатой и тонкой души, готовность пожертвовать собой ради всего и всех притягивает к себе во все времена. Они с их интуитивным ощущением драматизма настоящего, предчувствием хаоса будущего, тоской по нравственной чистоте и величию близки и нам, людям нового рубежа, другого «смутного времени»...

Анемподист Иванович Софронов-Алампа в силу своего божественного, природного таланта также обладал необычным зрением и слухом, способностью видеть и слышать то, что доступно не каждому:

*Кун анныгар
Көһнөрү көрөргө
Көстүбэт дьүһүннэр,
Дуораһыйбат дорҕооттор,
Атын алгыстар
Баһаам элбэх бааллар...
Онно
Элбэх дьикти сэхэннэр,
Сытыы ыраас сырдыктар
Сыстыһан сылдьаллар.*

И те же слова, которыми охарактеризовали лирику Б. Пастернака, можно адресовать и к творчеству А. Софронова. Не чужды ему и философские воззрения «серебряного века»; можно говорить об экзистенциализме Софронова: о восприятии своего «я», проявляющегося в поисках, в переживаниях, в заботе, в страхе, в совести, прозревающего экзистенцию как корень своего существа в борьбе, страдании, смерти, постигающего себя и обретающего свободу, которая есть выбор самого себя, своей сущности, накладывающий на него ответственность за все происходящее в мире. Как и бердяевские последователи, Софронов «очищался» своими страданиями, они его не сломили, он остался верен своим принципам.

*Куоласпын кубулуппаппын,
Хоһооммун уларыппаппын,
Тыыннабым тухары
Тылым биир,
Баарым тухары
Баҕам баар:
Ыйыллыбыт санаабын
Ырыабынан ыһар,
Санньыйбыт санаабын*

*Сангабынан сааратар,
Көлбөбүрбүт көхсүбүн
Күүгүммүнэн көччүтэр...*

И далее в другом стихотворении:

*Ыраас олобу ыпсаран
Ырыа гынар ыйаахтаахпын,
Куһаҕан суолу хоһулаан
Хоһоон холбуур холобурдаахпын,
Эрэйи энгингэ дэгийэн
Этэр элэркэй идэлээхпин,
Күчүмэбэй күннэри
Күлүү гынар күрэхтээхпин,
Одурууннаах олобу
Оонньуу онгорор онгоһуулаахпын,
Сыһа санааны
Сыгаан гынар сыаллаахпын,
Күлүк сиргэ
Күнү көрдөрөр күүстээхпин...*

Здесь можно отметить и соловьевское преклонение перед Вечным Светом, Вечной женственностью. Софронов одним из первых в якутской литературе преклонил колена перед Женщиной, боготворил ее красоту, женственность, воспел свою любовь к ней, не стыдясь своих чувств и переживаний. Он был по-пастернаковски жизнелюбивым и не боялся всепоглощающей любви, умел растворяться в природе. И потому у обоих поэтов особые функции в их произведениях выполняет пейзажная лирика, они очень близки к природе, для них природа — «огромный живой организм, в котором есть душа, любовь и язык». Неоспорима и вера Софронова в силу красоты, любви, Духа Добра:

*...Инникини этэр идэлээх,
Баайга баҕарбат,
Баһылыкка манньыйбат,
Кинини эрэ кытта тэн,
Дьону эрэ кытта доҕор,
Өлбөт тыыннаах,
Аралдьыйбат ааттаах,
Көстүбэт күүстээх,
Көнө сүрэхтээх киһи
Көстүө диэн күүтэбин...
Кинини кытта кэккэ
Кэлиэ диэн кэтэһэбин:
...Түспэ санаа,
Түгэх өй,
Ыар сыанамсык,
Ыраас тыл,
Үтүө өй үөскүүрүн...*

В подтверждение других сходств этих поэтов приведем слова их исследователей. Н. Банников о Пастернаке: «Борис Пастернак по натуре, по складу таланта не был ни трибуном, ни вожаком...».² Сравним это с высказыванием А. Бурцева о Софронове:

«Софронова трудно назвать... ангажированным поэтом. Его не было в «буче боевой, кипучей»...».⁴ Продолжаем сопоставления:

Валерий Брюсов: «Его стихи пропитаны духом современности; психология Пастернака... выражает существо самого поэта и могла сложиться только в условиях нашей жизни».²

А. А. Бурцев: «В субъективных переживаниях якутского поэта глубже и тоньше, чем в прямом, непосредственном изображении социальных коллизий, выразились идейно-философские и нравственно-психологические проблемы и симптомы переломной фазы общественно-исторического развития».⁴

Корней Чуковский: «Он чаще всего вспоминается под открытым небом, под ветром и солнцем, в поле, в лесу, среди трав и деревьев...»¹²

А. А. Бурцев: «Поэт любил изображать дождь, ночь, осень, но это зачастую пейзаж его души, отпечаток его психологического настроения...»⁴

М. Цветаева: «Его грудь заполнена природой до предела. Кажется, уже с первым своим вздохом он вдохнул, втянул ее всю — и вдруг захлебнулся ею и всю последующую жизнь с каждым новым стихом (дыханием) выдыхает, и никогда не выдохнет».¹²

А. А. Бурцев: «Особое место в поэтическом наследии Софронова занимает пейзажная лирика. В картинах и образах природы поэт стремится выразить и живое чувство родины, и душу своего народа, и думу о времени... Природа живет самостоятельной жизнью и обретает некое духовное начало, выдавая тем самым черты пантеизма и панпсихизма в мироощущении автора».

Близки два поэта «безвинного страдания» и по хронологическим параметрам их биографий:

- годы рождения: в 1890 г. — Пастернак; в 1886 г. — Софронов;
- начало литературной деятельности, первая публикация: 1913 г. — у Пастернака; 1912 г. — у Софронова;
- периоды творческих поисков: 1912 — 1913, 1917 — 1918 г.г. у обоих поэтов;
- периоды наивысшего творческого подъема: 1922 — 1932 г.г. у Пастернака; 1925 — 1927 г.г. у Софронова;
- периоды «травли» и душевного, поэтического кризиса: 1936 г. — у Пастернака; 1935 г. — у Софронова;
- годы «возвращения» поэтов к своим читателям (публикации после «запретов»):
1958 г.
1966 г.
1990-ые годы — у Пастернака;
1959 г.
1965 г.
1990-ые годы — у Софронова.

Типологические схождения, выраженные в аналогиях лирики, творческого пути Б. Пастернака и А. Софронова обусловлены общественно-историческими, культурными, литературными, социально — психологическими предпосылками рубежа XIX — XX веков (эпохи «русского Ренессанса») и их влиянием на якутскую поэзию. В пору «серебряного века» Пастернак и его друзья желали видеть творческое объединение всех людей, людей — братьев, без какого бы то ни было разделения по расовым признакам,

цвету кожи, языкам, историческому прошлому. В те годы в Москве пользовались успехом концерты «оркестра без дирижера» — «первого симфонического ансамбля» — «персимфанса». Эти популярные концерты, вызывавшие шумные овации, очень нравились Пастернаку. Такой свободный союз подлинных мастеров был в пастернаковском духе: человечество — оркестр... Человек — творец, «неповторимая, единственная» Личность, «всесильный художник».

И в том общечеловеческом «оркестре без дирижера» — в «персимфансе» «серебряного века» — независимо от судеб и расстояний, национальных особенностей и окружающей атмосферы «играли» свои «симфонии» разные художники, схожие в том, что были искренними поэтами-лириками, исповедовавшимися перед своими современниками и последующими поколениями, глубокомысленными поэтами-философами, принявшими «добровольные муки» «безвинного страдания», высоконравственными поэтами-гуманистами, уверовавшими в силу Духа Добра, истинными «поэтами интеллигенции», несомненно элитарными в этом отношении, личностями, обладавшими силой огромного таланта, данного им свыше: в Москве — Борис Пастернак, в далекой таежной Якутии — Анемподист Софронов.

Это единение духов двух поэтов — явление «диалога культур», обогащающее нас в духовном аспекте, обновляющее мысли и чувства современников и последующих поколений, позволяющее переосмысливать мировоззрение соответственно ходу времени.

Литература

1. Аманбаев М.Н. Развитие национальных художественных культур на современном этапе: состояние, проблемы, перспективы. Москва, 1990.
2. Банников Н. О Борисе Пастернаке. //Б.Пастернак. Стихотворения и поэмы. Москва: Художественная литература, 1988.
3. Башарин Г.П. Три якутских реалиста-просветителя. //Воспроизведение издания 1944 года. Якутск, 1994.
4. Бурцев А.А., Максимова П.В. На крылатом коне. Якутская поэзия от А.Кулаковского до С.Тарасова. Якутск, 1995.
5. Дима Александр. Принципы сравнительного литературоведения. Перевод с рум. / Александр Дима. Москва, 1977.
6. Диониз Дюринин. Теория сравнительного изучения литературы. Монография. Москва, 1979.
7. Келдыш В.А. История русской литературы «серебряного века». // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 1996, № 3.
8. Копырин Н.З. Кустук араас сүүнэн. Дьокуускай, 1992.
9. Копырин Н.З. Изобразительные средства якутской поэзии. Якутск: Бичик, 1997.
10. Литературно-эстетические концепции в России конца XIX — начала XX века. Москва, 1975.

11. О कोरोков Г.Г. *Традиции и поиск. /Статьи, портреты, штрихи. Якутск, 1979.*
12. Пастернак Е.Б. *Борис Пастернак. Биография. М.: Цитадель, 1997.*
13. Сивцева Н.С. *Традиции русской классики в творчестве основоположников якутской литературы. //Русско — якутские литературно-художественные связи. Якутск. 1991.*
14. Смирнова Л.А. *Единство духовных устремлений в литературе «серебряного века». // Российский литературоведческий журнал. 1994, № 5 — 6.*
15. Сыромятников Г.С. *Идейно-эстетические истоки якутской литературы. Якутск, 1973.*
16. Флейшман Л.С. *Борис Пастернак в двадцатые годы. Мюнхен, 1981.*
17. Флейшман Л.С. *Борис Пастернак в тридцатые годы. Иерусалим, 1984.*

Светлана Семеновна БУРЦЕВА, ФЛФ ЯГУ. 2000. Журнал «Илин».